

“Хочем с тобою быти у братстве и в приязни”

(Послания короля Сигизмунда I хану Мухаммед-Амину)

Седьмая книга записей Литовской метрики, хранящаяся в Российском государственном архиве древних актов (ф. 389 «Литовская метрика»), озаглавлена: «Книга справ поселских так теж данин и инших листов поточных за панования короля его милости Жыкгимонта Старого, почавшы от року тисеча пять сот шостого аж до року 1513, розных дат писаные». Она содержит тексты, созданные в 1506–1530 гг. Среди них преобладают документы, освещающие связи Польско-Литовского государства с соседними странами; имеется также ряд актов, которые касаются внутригосударственных дел (поземельных, административных и др.).

В книге помещены, в частности, многочисленные материалы дипломатической переписки и посольской деятельности в отношениях с тюркскими государствами — Крымским и Астраханским ханствами, Ногайской Ордой. Есть в ней и свидетельства литовско-

казанских контактов. Это послание хана Мухаммед-Амина польскому королю и великому князю литовскому Александру Казимировичу (1492–1506); заготовленная посольская речь посла от Александра в Казань 1506 г.*; а также публикуемые ниже два послания брата и преемника Александра — Сигизмунда I Старого (1506–1548) казанскому хану Мухаммед-Амину (1487–1496, 1502–1518), написанные в 1514 и 1516 гг.**

* Грамота хана и посольская речь включены также в состав восьмой Книги записей, которая издана в Вильнюсе (Lietuvos Metrika. Knyga 8 (1499–1514) // Parengė A. Baliulis, R. Firkovičius, D. Antanavičius. – Vilnius, 1994. – P. 56–59). Кроме того, дипломатические документы Литовской метрики за 1506 г., в том числе и эти два текста, были опубликованы: Оболенский М. А. Книга посольская Великого княжества Литовского. 1506 // Сборник князя Оболенского. – М., 1838. – № 1. – С. 39, 40, 43, 44.

** В конце XVIII в. тексты 62 самых ранних томов Литовской метрики были переписаны в Варшаве латинским алфавитом. Теперь эти копии хранятся в польском Главном архиве древних актов в Варшаве (Archiwum główne akt dawnych w Warszawie, сокращенно AGAD). О перемещениях книг метрики, их копировании, формировании из них собраний и архивных фондов см.: Kennedy Grimsted P. The «Lithuanian Metrica» in

Эти документы отражают сложную международную обстановку в Восточной Европе середины второго десятилетия XVI в. После жестоких и в целом победоносных войн, которые вел великий князь Иван III (1462-1505) за присоединение русских земель Великого княжества Литовского к Московскому государству, напряжение между двумя соседними странами сохранялось. Периодически оно выражалось в вооруженных конфликтах. Трижды московская армия выступала в поход на Смоленск. Третий поход увенчался успехом: после непродолжительной осады город сдался, и 1 августа 1514 г. в него торжественно въехал Василий III. Вскоре после этого произошло сражение на левом берегу Днепра, у города Орши*. 8 сентября литовское войско под командованием великого гетмана Константина Острожского наголову разгромило отряды воевод Ивана Челяднина и Михаила Голицы. По информации короля Сигизмунда, направленной им в Ливонию, 30 000 (из 80 000) москвитян были убиты, в плен попали 8 старших воевод, 37 военачальников более низкого ранга и 1 500 дворян¹. Эта победа (одна из немногих в череде русско-литовских войн) упоминается в обоих письмах короля Мухаммед-Амину, хотя и без указания места битвы.

Напряженные, постоянно балансирующие на грани военного столкновения отношения с Московским государством побуждали польско-литовское правительство искать союзников среди окрестных монархов. Тем более, что

в 1512-1514 гг. разразилась очередная русско-литовская война. Постоянной мишенью дипломатических усилий в этом направлении стал для Сигизмунда Крым.

К тому времени отошел в прошлое взаимовыгодный союз Крымского ханства и Московского государства, направленный против Великого княжества Литовского и Большой Орды. Последняя была уничтожена в 1502 г. ханом Менгли-Гиреем**, который после этого стал охладевать к своим северным союзникам. Против сотрудничества с Москвой активно выступал его старший сын и наследник Мухаммед-Гирей. Крымские отряды принялись нападать на южное русское пограничье. Это охлаждение попытался использовать Сигизмунд I, стремившийся к созданию антимосковской коалиции. Его послы с богатыми дарами — «упоминками» регулярно прибывали в Бахчисарай. В самом конце жизни Менгли-Гирея, в марте 1515 г., объединенная литовско-крымская рать razорила Северскую землю, которая недавно была отвоевана Московским государством у Литвы***. В следующем месяце Мухаммед-Гирей сменил отца на престоле, и отношения между Крымом и Москвой стали приобретать откровенно враждебный характер.

Одним из возможных и желательных участников коалиции королю представлялось Казанское ханство. Его правитель Мухаммед-Амин еще в 1487 г. был посажен на казанский трон воеводами Ивана III. Тогда Казань заняли русские войска, и над ханством был установлен по историографическим оценкам режим протектората. Новый хан и «вся земля Казанская» (курлутай) обязались, во-первых, не воевать против России; во-вторых, не вы-

Moscow and Warsaw. Reconstructing the Archives of the Grand Duchy of Lithuania. — Cambridge (Mass.), 1984). В частности, в фонде Литовской метрики польского Главного архива древних актов имеются материалы посольств 1506 г.: «Poselstwo od Cara Kazańskiego Machmedymena do korola Alexandra» и «Poselstwo do Machmetamina Cara Kazańskiego Sorokoju» (AGAD, ML, sygn. 191, l. 17, 18) и посольства 1516 г.: «Tot list postan do Caria Kazańskiego Tolmaczom Makarcom Misiaca Juń. Deń, Indykt 4» (AGAD, ML, sygn. 191, l. 406-408). Кириллические версии указанных текстов 1506 г., а также послание Сигизмунда I Мухаммед-Амину 1514 г. были переписаны Казимиром Пуласки в латинской транскрипции и опубликованы: Pułaski K. Stosunki z Mendli-Girejem, chanem tatarów perekopskich (1469-1515). — Kraków-Warszawa, 1881. — S. 294-295, 297, 439. Это издание труднодоступно для большинства историков, поэтому мы публикуем здесь письмо 1514 г. по подлиннику РГАДА. Публикации королевского послания 1516 г. нам неизвестны.

* Сейчас в Витебской области Республики Беларусь.

** Менгли-Гирей правил в Крыму с перерывами в 1469-1515 гг. О взаимоотношениях Крымского ханства и Польско-Литовского государства в этот период см.: Pułaski K. Stosunki z Mendli-Girejem, chanem tatarów perekopskich (1469-1515). — Kraków-Warszawa, 1881. — 451 s.

*** Анализ этой международной ситуации см.: Хорошкевич А. Л. Русь и Крым. От союза к противостоянию. Конец XV — начало XVI вв. — М., 2001. — С. 113-224; Pułaski K. Stosunki z Mendli-Girejem, chanem tatarów perekopskich (1469-1515). — Kraków-Warszawa, 1881. — S. 191, 192.

бирать себе нового государя без ведома Москвы; в-третьих, охранять интересы русских людей, оказавшихся в ханстве. Мухаммед-Амин первое время стремился честно следовать договору. Он посылал свои войска в Большую Орду по требованию Ивана III, спрашивал у него разрешение на женитьбу... У власти в Казанском ханстве в то время укрепилась промосковская партия знати. Однако ее соперники, которые ориентировались на Крым и Ногайскую Орду, постоянно искали способы избавиться от владычества «неверных» и их марионеток.

В 1496 г. город был занят сибирско-ногайскими войсками, ханом был провозглашен тюменский царевич Мамук. Но за год своего неумелого и неудачного правления он сумел настроить против себя местную аристократию и в конце концов был вынужден отправиться восвояси.

Казанские беки во главе с Кель-Ахмедом решили снова договориться с Россией. На сей раз ханом стал Абд ал-Латиф, младший брат Мухаммед-Амина. Он воспитывался в Крыму (его мать Нур-Султан вышла замуж за Менгли-Гирея), затем некоторое время жил на Руси, управляя уделом в Звенигороде. Абд ал-Латифа доставило в Казань русское посольство, перед которым тот подтвердил все обязательства, взятые некогда Мухаммед-Амином. Однако вскоре он решил проводить полностью самостоятельную политику, без совета с Москвой. В 1502 г. Абд ал-Латиф был низложен и увезен на север Руси в ссылку. Престол вновь вернули Мухаммед-Амину, обретавшему дотоле при великокняжеском дворе и в пожалованных ему уделах. Но теперь тот не собирався играть унизительную роль послушной московской креатуры (Иван III «почаль вышей меры противу тебе чинити, и ты, того не терпявши, не дался ему в обиду», — так формулировал Сигизмунд в письме к хану изменения в отношениях Казани с Москвой). Постепенно Мухаммед-Амин отстранил от дел инициатора пророссийской политики Кель-Ахмеда и его единомышленников, заменив их пред-

ставителями восточной «партии». А через три года решился на полный разрыв отношений.

Летом 1505 г. в Казани произошел настоящий погром. Были перебиты русские купцы, которые съехались на ежегодную ярмарку, их товары были разграблены; множество русских, в том числе великокняжеского посла, заточили в темницы. Вскоре после этого сорокатысячная армия казанцев и двадцатитысячная ногайская конница осадили Нижний Новгород, но были отбиты. Следующей весной Василий III двинул воевод на Казань. Одновременно с конницей к Волге была направлена пехота, посаженная на речные суда. «Кн(я)зь великий Василей... пустил был на тебе воиско свое великое водою и сухомъ», — описывает это в своей грамоте Сигизмунд. 22 мая и 25 июня 1506 г. под казанскими стенами состоялись сражения, закончившиеся полным разгромом московской рати².

Польско-литовское правительство было хорошо осведомлено о событиях в Среднем Поволжье. В посланиях хану король осыпает его комплиментами, напоминая славную победу татар над пришельцами с запада, предлагает ему повторить поход на Нижний Новгород, после чего, дескать, великий князь будет вынужден возобновить выплату дани в Казань. Вообще напоминание о былом подчинении Московской Руси татарам, о выплате им дани было популярным мотивом в польско-татарской дипломатической переписке. Так, Сигизмунд в обращениях к крымскому хану указывал на незаслуженно высокий статус московского государя, который «с стародавнего... был холопом, а ныне рядит ся тебе, государю своему, братом быти»; «у московского предки холопыа были, предков твоих дань за всегда даивали к столцу царскому, на котором ты, брат наш, седишь»³ и т. п. Подвигнуть Мухаммед-Амина к союзу должно было и известие об установившихся безоблачных отношениях Кракова с Бахчисараем — «з братомъ нашимъ царемъ Магъметъ Кгириемъ». Замысел короля состоял в объединении антиросийских сил на западе, юге и востоке от

Московского государства, формирования единого фронта трех враждебных ему и взаимодействующих друг с другом правителей — самого Сигизмунда, Мухаммед-Гирея и Мухаммед-Амина.

Казань поддерживала контакты с Вильно и Краковом, хотя и менее активно по сравнению с крымским двором. Мухаммед-Амин направил к Александру Казимировичу посла Хакимберди («Акимбердея») с сююнчем* и с выражением готовности воевать против Василия III одновременно с польско-литовским войском.

В Скарбовой книге Великого княжества Литовского за 1502-1509 гг. сохранились сведения об этом посольстве. Служители господарского скарба (государственной казны) тщательно фиксировали расходы на прием иностранных визитеров, равно как и подношения от них королю. Выясняется, что свита Хакимберди состояла из 56 человек. Посол «от царя (хана. — В. Т.) принес отласец на золоте, а от себе дал тесму черленую», за что был одарен конем, двумя шубами, отрезами сукна и серебряным ковшом⁴.

Скарбовая книга датирует приезд Хакимберди десятым индиктом (1 сентября 1506 г. — 31 августа 1507 г.). В том же индикте (т. е. до сентября 1507 г.) с ответной миссией к Мухаммед-Амину отправился королевский посол дворянин Сорока**. Предписанная ему краткая речь, обращенная к хану, сохранилась в Литовской метрике, что уже отмечалось. С собой он вез королевские «упоминки»: 13 локтей драгоценной ткани-аксамита, сукно и серебряную чашу, которая некогда принадлежала

покойному Александру Казимировичу⁵. Как явствует из публикуемых здесь грамот, во время пребывания в Казани Сорока умер.

После этого в межгосударственных связях наступил перерыв. И вот в 1514 г. Сигизмунд направил в Казань нового посланца (имя которого неизвестно), а еще через полтора года — толмача Макара с задачей убедить хана присоединиться к антимосковскому союзу, скрепив этот союз своим клятвенным обещанием («присягой»). Из записи в Скарбовой книге известно, что ранее Макар — очевидно, тот же самый — состоял толмачом при посольстве Сороки⁶.

Однако все эти дипломатические усилия оказались напрасными. Несмотря на полный военный успех в 1506 г., угроза реванша со стороны России заставила Мухаммед-Амина искать пути примирения с ней. В начале 1508 г. он освободил из тюрем русских узников и направил в Москву посольство с дарами. Русская сторона, получив жестокий урок на поле боя, тоже решила закончить конфликт. Начались переговоры, режим протектората фактически был отменен. После этого правитель Казани уже не склонен был ссориться с могущественным соседом.

Приблизительно в 1515 или 1516 г. (именно в то время, когда польско-литовская дипломатия проявила интерес к Казанскому юрту) хан тяжело заболел — «3 лета на одре лежаша», как сообщает «Казанский летописец». В этом же источнике говорится, что в то время он будто бы глубоко раскаялся в своих изменах московским государям⁷. Так это или нет, но призыв короля к военным действиям против Москвы, видимо, не нашел у него отклика. Мухаммед-Амин в это время прекратил активную внешнюю политику. В конце 1518 г. он умер.

Впоследствии контакты между Казанским ханством и Польско-Литовским государством продолжались. Д. А. Мустафина в 1997 г. опубликовала послание хана Сафа-Гирея Сигизмунду I, написанное между 1538 и 1545 гг. К этому королю Сафа-Гирей

* Сююнч, севинч (букв. «радость, веселье, ликование») — радостное известие, в данном случае о победе над русскими. Ответному посольству было велено передать в Казани, что король и великий князь обрадовался, «слышачи такую сивинчу» (см.: Lietuvos Metrika. Knyga 8 (1499-1514) // Parengė A. Baliulis, R. Firkovičius, D. Antanavičius. — Vilnius, 1994. — P. 59). В русском языке XV — XVII вв. получил распространение тюркизм «сеунч(ь)» со значениями «весть; гонец, посол» (см.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. — СПб., 1912. — Т. 3. — Стб. 343).

** Ведущий литовский исследователь метрики Э. Банёнис по неизвестным мне основаниям отнес отправление посольства Сороки от короля Сигизмунда к 6 февраля 1506 г. (см.: Banionis E. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės pasiuntinybių tarniba XV — XVI amžiais. — Vilnius, 1998. — P. 183).

направил три грамоты и одну — к его сыну Сигизмунду II Августу; известно также о письмах к Сигизмунду Старому от семи различных представителей казанской знати⁸. Правда, Сафа-Гирей ничего не пишет об обменах посольствами при его предшественниках, напоминая лишь о собственных посланцах в Польско-Литовское государство.

Королевские послания подготовлены к публикации в соответствии с нормами, применяющимися для издания Литовской метрики*. Текст источника передан гражданским шрифтом с заменой исчезнувших букв. Титлы раскрываются, в сокращенных словах пропущенные буквы ставятся в круглых скобках. Пропущенные переписчиком буквы ставятся в квадратных скобках. Выносные буквы и слова внесены в строку

* В 1985 г. при подготовке советско-польского проекта по публикации источников С. М. Каштанов и А. Л. Хорошкевич разработали специальные «Методические рекомендации по изданию и описанию Литовской метрики» (Вильнюс, 1985). Следование этим правилам позволило бы полно и точно передавать текст источника при публикации. Однако они не стали всеобщим руководством к действию. В большинстве книг метрики, которые с тех пор вышли в свет, наблюдается разноречивость в системе передачи текста рукописи, составе и оформлении справочного аппарата и проч. (см.: Бычкова М. Е., Хоруженко О. И. Современные принципы издания кириллических документов Литовской метрики // Труды Института российской истории. — М., 2009. — Вып. 8. — С. 70-86).

и обозначены курсивом. Буквенная цифра передается арабскими цифрами. Знаки препинания проставлены публикатором.

Границы листов (в данном случае — страниц) обозначены двумя косыми чертами, за которыми в скобках приводится номер следующего листа. Поскольку публикуемые листы имеют двойную пагинацию, мы указываем оба номера, помещая второй в скобках.

После заголовка каждого документа, составленного в соответствии с современными археографическими нормами, помещен заголовок, который приводится в описании фондов Московского архива Министерства юстиции, опубликованном в 1915 г.⁹

При подготовке грамот к публикации автор пользовался консультациями М. Е. Бычковой, А. В. Виноградова, И. Илариене, О. И. Хоруженко. Особо хотелось бы отметить помощь А. В. Малова, который обеспечил возможность работать с подлинником Книги записей и получить публикуемые здесь фотокопии, а также сотрудников Главного архива древних актов (Варшава), предоставивших фотокопию королевского послания 1516 г.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Соловьев С. М. Сочинения. Кн. III. История России с древнейших времен (Т. 5-6). — М., 1989. — С. 239.
2. Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. — М., 1972. — С. 77, 78; На стыке континентов и цивилизаций // Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. — М., 1996. — С. 575-579.
3. РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 7, л. 639 (640), 644 (645).
4. Довнар-Запольский М. В. Литовские упоминки татарским ордам. Скарбовая книга Метрики Литовской 1502-1509 // Известия Таврической ученой архивной комиссии. — 1898. — № 28. — С. 55.
5. Довнар-Запольский М. В. Указ. соч. — С. 56.
6. Там же. Полагаю, что в 1514 г. послание Сигизмунда привез в Казань тот же Макар.
7. Полное собрание русских летописей. — М., 2000. — Т. XIX. — Стб. 28-30, 238-241. В 1517 г. казанцы, обеспокоившись судьбой своего государства в случае смерти бездетного хана, известили Мухаммед-Гирея, что «ныне Магмед-Аминева царева болезнь сильна ся учинила» (см.: Сборник императорского Русского исторического общества. — СПб., 1895. — Т. 95. — С. 388).
8. Мустафина Д. Послание царя Казанского // Гасырлар авазы — Эхо веков. — 1997. — № 1/2. — С. 26-38. Кроме того, в Главном архиве древних актов в Варшаве нами обнаружены материалы, касающиеся еще двух казанских посольств в Польско-Литовское государство 1544 г. (время второго правления в Казани Сафа-Гирея) и начала 1551 г. (время номинального правления Утемиш-Гирея и регентства ханши Сююм-бике).
9. Описание документов и книг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. — М., 1915. — С. 111, 114.

№ 1. 1514, ноября 18. — Грамота («лист») короля польского и великого князя литовского Сигизмунда I казанскому хану Мухаммед-Амину с предложением военного союза против Москвы.

228. — 1514. Лист короля Жигимонта Казанскому царю Магмету-Аминю с сообщением о действиях войск царя против великого князя Московского, напавшего на землю короля, и с просьбой быть на великого князя Московского заодно. 291-292.

(Л. 577 (578)) *От* Жигимонта, Бож(ь)ю м(и)л(о)стью короля польского, великого кн(я)зя литовского, русского и кн(я)жати пруского, жомойтского и иных, брату нашему Магъметъ Аминю ц(а)рю казанскому. Поведаемъ тебе, брату нашему, иж какъ сели есмо на *отчине* нашої стольцохъ *отца* нашего на Коруне Полскои и на Великомъ кн(я)зьстве Литовскомъ, великии кн(я)зь Василии Ивановичъ московскии безъотповедне и безъ всякое причины вси свои люди въслалъ у *отчизну* нашу Великое кн(я)зьство Литовское шкоды намъ чинити. И мы его люди зъ Бож(ь)ею помощью зъ земли нашею выгнали. А потомъ онъ з нами ся мириль увечисты миръ и присягами твердыми и записы // (л. 578 (579)) *межи* собою есмо на обе стороны утвердилися. И он, запамятавши Б(о)га и ч(е)сти и души своею, ту свою присягу твердую и записы зламалъ, безъ всякое причины *неотповедне* со всеми своими людьми, нас обезыечивши, кинулься на *отчизну* нашу Великое кн(я)зьство Литовское и замъки наши *отчизны* лъстивостью своею несправедливе быть посель. Мы люди наши напротивку его людеи послали. Наши люди на неколку мѣстцахъ многихъ людеи его побивали и многихъ людеи знаменитыхъ поимали. И онъ таки въ своей неправде не хотель ся взнати. Мы, воземъши Б(о)га на помочь, сами с нимъ великии ступьныи бои мели и зъ Божее помочи войско его все на голову поразили и замки наши з ласки* Божее за ся есмо к нашої руке взяли, и воеводы и кн(я)зи и панове его радны многи намъ в руки впали. И што есмо до тебе передъ симъ посла нашего посылали, тотъ посель нашъ тамъ згибъ. Мы того серъдечне жалуемъ, *иж* нам *от* тебе отказу некоторого не было. Про то навпоминаемъ тебе, брата нашего, абы ся еси с тымъ неприятелемъ нашимъ московскимъ не мириль, а нам // (л. 579 (580)) бы еси былъ приятелемъ и посполу с нами на того неприятеля нашего былъ заодинъ. А мы тебе, брату нашему, поведаемъ, *иж* мы вземши Б(о)га на помочь *отсель* не переставаемъ, хочомъ дела нашу с нимъ делати и обиды нашею ему мстити сколько нам Богъ поможетъ. И ты бы, братъ нашъ, с тое стороны о томъ чуль. И если бы онъ потягнулъ напротивку насъ, и ты бы въ его землю тянул и шкоды ему чиниль што наболеи могучи. А *такеж* чуиности о томъ будемъ мети. И если бы онъ хотель потягнути на тебе, брата нашего, и мы *такеж* наши войска вси въ его землю обернемъ и шкоды делати. И то тебе даемъ ведати через *сеи* *наш* листъ, иж *хочемъ* с тобою быти у братъстве и в приязни. А напротивку того неприятеля нашего московского *хочемъ* быти с тобою заодинъ. П(и)сал у Вилни нояб(ря) 18 д(е)нь, инди(кт) 3¹.

РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 7, л. 577 (578)-579 (580).

№ 2. 1516, июня 18. — Грамота («лист») короля польского и великого князя литовского Сигизмунда I казанскому хану Мухаммед-Амину с описанием победы над войском Василия III и с предложением военного союза против Москвы.

242. — 1516. Лист короля Жигимонта Казанскому царю Магмету Аминю с просьбой быть с королем в братстве и приязни, с сообщением о победах войска короля над великим князем Московским, с просьбой напасть на землю последнего, с обещанием помочь царю войском в случае нападения на его землю великого князя Московского, с просьбой принести присягу перед толмачом и с обещанием принести присягу перед человеком, которого пришлет царь.

(Л. 661 (662)) Тотъ листъ посланъ до ц(а)ря казанского толмачомъ Макарьцомъ м(еся)ца июня 18 ден(ь), инъдикъ(т) 4².

От Жигимонъта Бож(ь)ю м(и)л(о)стью короля полского** и великого кн(я)зя*** литов-

* «К» написано по зачищенному.

** «Полского» написано дважды.

*** Конечное «я» переправлено из «с», далее зачеркнуто «ства».

ского, руского, кн(я)жати пруского, жомоитьского и иных брату нашему милому Магметь Аминю ц(а)рю козаньскому поклонь. Што еси, братъ нашъ, перво того невъсколького годехъ присылалъ к намъ ч(е)л(о)в(е)ка своего Акимбердея здоров(ь)я нашего навещаючи а свое намъ поведаяю // (л. 662 (663)) а припоминаючи *и*ж при великомъ кн(я)зи Витовте продку нашомъ твои предки гости в Литве и братство и приязнь о нихъ часовъ межи собою мели, нежли далекости дороги не ссылалися. А какъ ты, братъ нашъ, насель на своемъ ц(а)рствѣ, былъ еси з великимъ кн(я)земъ Иваномъ московскимъ у братствѣ и въ присязе. А какъ почаль вышей меры противку тебе чинити, и ты, того не терпѣвши, не дался ему в обиду. А потомъ *нинешии* кн(я)зь великий Василей сынъ его пустил был на тебе войско свое великое водою и сухомъ. И ты з Бож(ь)ею помощью оба тыи во[и]ска поразил³. Мы, то услышавши, радовалися тому и того *ж* часу послали есмо к тебе с тым твоимъ слугою дворянина нашего Сороку твоего здоровья и правде межи нами умоваячи и подтверждаячи. И тот нашъ⁴ дворянинъ тамъ в Козани вмеръ а к намъ не приехалъ. А потомъ и иныхъ пословъ к тебе, брату нашему, посылали есмо, которыхъ *и*жъ черезъ проеханья презпечного не могли мети. А тымъ нечастымъ // (л. 663 (664)) обьсыланьемъ братство и приязнь межи нами ся омешкивала. Какъ же мы нине, упомнявши деди нашего великого кн(я)зя Витовта приязнь с твоимъ предкомъ, послали есмо твоего здоровья отведываючи а с своего намъ поведаяючи толмача нашего Макарца легкимъ поминкомъ а с тяжкимъ поклономъ⁴, напоминаючи тебе, брата нашего, *и*жъ быти упомятавши предковъ своихъ и нашихъ с нами у братствѣ и в приязни былъ, приятелю быхмо з obu сторонъ приятелемъ были, а неприятелю неприятелемъ. И што ся дотычетъ неприятеля твоего и нашего московского ведомо тебе, брату нашему, што *ж* Иванъ кн(я)зь великий московский за брата нашего Александра короля дочку свою давши⁵ и кровнымъ ся звизаньемъ обезавши и присягами своими его обезпечивши, немало отчизны нашея городовъ и волостей и земли подъ нимъ былъ забралъ. А потомъ сынъ его кн(я)зь Василей, с нами присягу учинивши и намъ зменивши, вальку напротивку намъ почаль. Мы, Б(о)га Сотворителя оземъши на помощь а свою справедливость, пошли есмо напротивку ему. И такъ // (л. 664 (665)) два годы будутъ у в осень приду чую^{**} Богъ намъ помогъ войско его осмьдесятъ тысячъ наголову побити и воевод его колько десять а к тому многихъ кн(я)зей и бояр и людей его живыхъ поимати, которые ж тепере в нашихъ рукахъ в *н*ятствѣ сядятъ. Какъ же завъжды без *от*починут на войско нашо в его землю ходятъ и воюют. Богъ намъ такую ласку свою извѣтеженъ надъ нимъ далъ не рекучи абы люди его бои противъ нашихъ людей поставили, але услышавши нашихъ людей назадъ втекаютъ. Боже даи абы намъ *от* Б(о)га тое щастье надъ нимъ было на долгие час. Такъже поведеамъ тебе, брату нашему, *и*жъ тыхъ часовъ з братомъ нашимъ царемъ Магметъ Кгириемъ вступили есмо в братство и в вечную приязнь, потому какъ зо *от*цемъ царемъ Мендли Кгириемъ, содиначивъшися с нимъ и с ынъшими приятельми нашими, Б(о)га оземъши на помощь, войски нашими^{***} в землю того нашего неприятеля *н*инешнего лета ажъ до зимы потягнули есмо, хотячи ему брата нашего Александра короля и нашея обиды мстити и землю его воевати // (л. 665 (666)) колко Богъ милый поможетъ. А про *то* напоминаемъ и жадаемъ тебе, брата нашего, ажъ бы еси з другою стороны з войскомъ своимъ в землю того нашего неприятеля и своего к Нижнему Новгороду потягнулъ и землю его воевалъ и посполу с нами дела своего доводилъ, бо лучшего часу надъ тымъ неприятелемъ своимъ не можешъ на долги час мети, какъ тепере. А коли намъ Богъ поможетъ надъ тымъ нашимъ неприятелемъ а тебе дастъ Богъ Нижнего Новгорода добыти и *и*лшии замки и волости и земли *от*чизну свою къ своимъ рукамъ привернути, тогды и дань свою будешь с не(го) по давному мети. А намъ бы Богъ такъ же далъ наши замки отчизны и которые *он* несправедливе посель подъ нимъ добыти. Тогды бы вже тотъ неприятель нашъ таковое мощи смелости напротивку намъ не мель и руки своеи на насъ не подносилъ, бо онъ ничимъ ся былъ неподнеслъ, только забраньемъ твоихъ и нашихъ замковъ. А естли бы *он* черезъ то хотилъ ся на тебе, брата нашего, кинути и войскомъ своимъ на тебе потягнути, мы, скоро услышавши, в *тот* же часъ хочомъ тебе, брату нашему, в помощь войско нашо з нашею стороны в его землю послати. // (Л. 666 (667)) И ты бы, братъ нашъ, такъ же намъ к у помочи своеи стороны войско свое великое въ его землю воевати послалъ. Естли бы ся такъ же хотилъ насъ кинути и войско

^{*} «И тот нашъ» написано дважды.

^{**} «Ю» исправлено по написанному.

^{***} «Н» исправлено по написанному.

свое в нашу землю послати, а с тою згодою нашою с тобою, братомъ нашимъ, з Бож(ь)ю помощью с того неприятеля нашего каждого дела нашего можемъ себе довести. Пакъ ли *ж* бы ты, братъ нашъ, маючи с нимъ тыхъ часовъ миръ або перемир(ь)е в нынешнии такъ потребны час свои, для того не хотиль воискомъ своимъ з другое стороны въ его землю потягнути. Ино ведаешъ самъ, предькове его и о(те)цъ и он самъ николи не став в прислузе не бывали*, але убачивши свои часть, присягу свою изменивши несправедливе и отповедне, безъ каждое** причины с кождымъ суседомъ своимъ вальку починали а кровь проливали. Чого *ж* Бог милый им не перепускаетъ. Какъ же внимаемы иж предкомъ твоимъ и тебе, брату нашому, от нихъ через присяги их несправедливые многии ся неприязни оказали. И ты бы, братъ нашъ, упомятавши их неприязни и бачачи нынешнии час, посполу с нами нынешнего лета и осени з другое стороны въ его землю потягнуль а тым намъ братство и приязнь оказалъ. А коли // (л. 667 (668)) тебе, брату нашому, такъ же потреба вкажетъ, мы такъ же в тотъ час хочомъ тебе помочьни быти и воиско з наше стороны в его землю послати. А естли ты, братъ нашъ, с нами в томъ братстве и в приязни хочешъ стояти и заодинъ с нами на того нашего неприятеля быти, и ты бы, братъ нашъ, передъ тымъ нашимъ толмачомъ присегу намъ вчинивши и о всякихъ делехъ через него к намъ усказавши, приставивши к нему своего человека, к намъ без мешьканья отпустилъ. А мы такъ же передъ тымъ твоимъ ч(е)л(о)в(е)комъ хотимъ тебе правду нашу вчинити, бо мы на чомъ тебе передъ тымъ слово наше мовили и правду вчинили, и в тои правде и тепер(ь) твердо стоимъ. Такъ ведайте и тому справедливе вер(ь)те.

РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 7, л. 661 (662)-667 (668).

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Данный индикт соответствует периоду с 1 сентября 1514 г. по 31 августа 1515 г.
2. Данный индикт соответствует периоду с 1 сентября 1515 г. по 31 августа 1516 г.
3. Фрагмент грамоты от слов «при великомъ кн(я)зи Витовте» до «оба тыи во[и]ска поразилъ» является пересказом несохранившегося послания Мухаммед-Амина короллю.
4. Чтобы расположить к себе адресата, Сигизмунд (от его лица канцелярия Великого княжества Литовского) прибегает к стилизации, употребляя оборот, традиционный для татарской дипломатической практики и присутствующий, в частности, в первом письме Мухаммед-Амина (Lietuvos Metrika. Кнуга 8 (1499-1514) // Parengė A. Baliulis, R. Firkovičius, D. Antanavičius. – Vilnius, 1994. – Р. 57). Выражение «[с] легким поминькомъ а с тяжкимъ поклономъ» является повторением тюркской формулы «ağır selâm yingil bōlek» (см., например: Özyetgin A. M. Altın Ordu, Kırım ve Kazan Sahasına ait Yarlık ve Bitiklerin Dil ve Üslûp İncelemesi. – Ankara, 1996. – S. 110, 111).
5. В 1495 г. великий князь литовский Александр Казимирович женился на дочери Ивана III Елене. В 1501 г. он стал одновременно и польским королем.

Вадим Трепавлов,
доктор исторических наук

* Слово исправлено по написанному.
** Слово исправлено по написанному.

